

Когдаходишь в квартиру Александра Филипповича Ведерникова, в глаза бросается прежде всего свободное пространство (мебели немного) и картины: на одной стене залы портреты родителей — пожилых людей крестьянской породы, с натруженными руками. В середине другой стены главенствует еще один портрет: мощная, кряжистая фигура с палкой — на снежной тропе. Великий наш современник — композитор Георгий Свиридов. Живописи, занятиям которой Александр Филиппович привержен с малолетства, не бросил он и по сию пору. Но, конечно, главным в его жизни стало пение. Оно принесло ему мировую славу ведущего баса Большого театра, выдающегося камерного певца.

— В Большой театр, — начал Александр Филиппович, — я пришел в 1957 году. К сожалению, многих певцов старой когорты уже не было в труппе. В середине 50-х «ушли» сразу целое поколение: Михайлова, Пирогова, Рейзена, Козловского... Почти не у кого было перенять традиции исполнения русского репертуара, особенно героико-патриотической оперы, к которой я всегда тяготел...

почему? Зарабатывать надо было! Ведь у меня ж дети, семья. Старика, которым нужно помогать. Сестра, которая учится... У меня никогда не было сбережений и сейчас на черный день ничего не оставлено. Что можно накопить, когда ставка за концерт составляла 25 рублей? Только потом стало 40, когда присвоили народного СССР. И то не театр ходатайствовал, а лично Демичев, министр культуры, — он меня хорошо знал и все удивлялся: как, Александр Филиппович, вы не народный? Ведь посмотрите, сколько вы поете и как поете! На Сусанина зал встает!.. Нынче принято превозносить заслуги, например, Вишневецкой.

Тогда главным дирижером был Александр Шамильевич Мелик-Пашаев. При первой же беседе он меня осадил: росточек, батенька!.. Только характерные роли, Сусанин — предел. А о Борисе, Досифее, Гремине и не мечтайте, у нас их пели Шаляпин, Рейзен, Петров, Огнивцев — все великаны...

Приходилось преодолевать предрассудки. Сам приготовил Бориса — никто не хотел и слушать. Пока не случилась обычная в театре история: все исполнители заболели — изволь на сцену... То же — с Досифеем. Нет, я не то что переубедил Александра Шамильевича или, скажем, Небольсина, который вел «Хованщину», это было невозможно. Но, как говорится, явочным порядком настоял на своем.

— Значит, фактически переубедили!
— А вот с Борисом Покровским никогда не было взаимопонимания. У меня мышление монументальное. Вот, например, Кутузов в «Войне и мире» Прокофьева. Покровскому почему-то все время хотелось сделать из него этакое неряху, потаскуна, чтобы героическое растворилось в быденном, низменном. А по мне — народная память не зря отсеяла шелуху, и остался только образ великого полководца.

И вот Покровский требует свое — я внешне соглашаюсь. А делаю наперекор. Разругаться — совсем не дадут петь. В театре надо быть дипломатом. Вообще с режиссерами отношения складывались непросто. По натуре я сам с режиссерской жилкой, мыслил не узко, одной своей партией, а видел решение всего спектакля, его концепции, драматургии.

— Почему же вы сами не ставили?
— Ну, во-первых, в нашем театре — кто ж подпустит? А во-вторых, я постоянно вел большую концертную деятельность, она требовала много сил. Между прочим, когда меня выдвинули на соискание Госпремии за концертные программы, руководство Большого театра выступило... нет, не с поддержкой, а с протестом! Это было где-то в 1979 году. Представляете, послали официальную бумагу в Министерство культуры — и ведь подписали многие артисты, хотя на каком основании, до сих пор не понимаю.

Александр ВЕДЕРНИКОВ: В «ПАРТИИ УСПЕХА» НИКОГДА НЕ СОСТОЯЛ

Пусть авторитеты что хотят говорят. Но для меня она артистка одной-единственной роли — Катерины Измайловой. Нет, двух — была замечательна в «Укрощении строптивой». Вот это она действительно здорово делала. Но Наташа Ростова, считаю, была никакая: там требуются обаяние, нежность... В этой же артистке всегда чувствовался яд. Ну какая она, например, Татьяна? Какая Аида? Какая Марфа в «Царской невесте»? Марфа — ангел сущий, а у нее всюду получалась этакая чертовка.

— Зная о вашем нелицеприятном отношении ко многим признанным мастерам, спрошу о нынешнем патриархе Большого — Евгении Нестеренко.
— Ну, Женя был когда-то хороший певец. Когда я пел Кончака, он пел Игоря — и неплохо. Это уж потом он стал пережимать, этакого героя на ходулях изображать. Возможно, поэтому он впоследствии так ухватился за партию Кончака: там нужна не глубина, а эффектность.

Вот чего я не приемлю в людях искусства: когда внешняя эффективность, нахождение на гребне славы становится важнее собственно художественных достижений. Таких людей я объединяю в «партию успеха». Точнее — успеха любой ценой...

— Но, возвращаясь к Нестеренко, — к нему же не зря благоволил Шостакович?
— А я, знаете, не разделяю общего обожествления Шостаковича. То есть, безусловно, это был крупнейший композитор. Но слишком часто, по-моему, шел на компромиссы — видимо, желая привлечь на свою сторону то одного, то другого исполнителя. Кстати, я много его музыки пел, и он ко мне очень хорошо относился. У Шостаковича есть замечательные произведения — например, квартеты, они глубоко трогают. Но много и умозрительного.

Между прочим, был однажды такой случай. Ростропович поймал меня на улице и привел к Дмитрию

Дмитриевичу. А тот только что закончил Тринадцатую симфонию — с «Бабьим яром» и другими стихами Евтушенко. И, оказывается, писал ее в расчете на меня. И вот стал Шостакович ее нам играть и петь. Я чувствую: не мое это. И сказал ему все открытым текстом.

— Как он это воспринял?
— Абсолютно нормально. Зато потом Ростропович на меня набросился, когда мы вышли: как ты мог отказать такому великому человеку!..

— Сейчас вы поддерживаете с Мстиславом Леопольдовичем отношения?
— Нет. Особенно после эпизода, когда мы летели вместе из Праги, я там пел «Патетическую ораторию». Представляете, вдруг подсаживается ко мне Ростропович: зачем ты этого Свиридова поешь? Ведь это же партийный композитор! У него в «Патетической оратории» все про партию да про Ленина... Я тогда ему: Славочка, дорогой, а «Песнь о лесах» Шостаковича о чем? Там в конце так и поется: «Слава партии, Ленину, слава Сталину — великому вождю». Есть хоть что-то подобное у Свиридова?

Я помню, как исполняли «Патетическую» в разных городах. Поешь: «Много разных мерзавцев ходит по нашей земле и вокруг» — и обязательно встанет какой-нибудь пожилой человек из публики и поддержит: «Правильно!»... Какая ж тут конъюнктура — вслушайтесь в слова. Это ж Маяковский! Они с Есениным по острой ноже ходили, говорили правду и были за то распяты оба, теперь уж это ясно... Нет, не конъюнктура — «Патетическая оратория». Ее много лет будут петь — хоть там капитализм, хоть что другое...

— Но, продолжая тему «партийности» в искусстве, — вы ведь состояли членом КПСС...
— Состоял и того не стесняюсь. Тогда это была распространенная форма участия в делах общества. В партии числилось много порядочных, выдающихся людей. Партийный билет был как бы твой мандат, а уж

как ты этим мандатом воспользуешься, зависит от твоей совести: на общее благо или на шкурную выгоду.

— Что же, выходит, вы на Свиридове в основном и сосредоточили ваши современные музыкальные интересы? Но как обойти такую крупную, с моей точки зрения, фигуру, как Щедрин?
— Я Родиона знаю хорошо, мы вместе учились в Московской консерватории. Я пел его сочинения — помню, в кантате о героях-панфиловцах мне достался целый номер: письмо панфиловца матери. Это была нормальная, хорошая музыка.

Но потом я перестал понимать его. Меня ставило в тупик — почему это все так непевуче?
В общем, что говорить, человек я, как видите, неудобный, в суждениях резкий. Оттого и отлучен от многих дел. Во всяком случае, Александр Лазарев как стал лет десять назад главным дирижером Большого театра, так и сказал: пишите заявление об уходе на пенсию.

— Но теперь Лазарев в театре нет, всеми творческими делами руководит Васильев.
— Я его совсем мало знаю как человека. Он был очень мощный танцовщик. Просто дух захватывало, когда на него смотрел. И ведь небольшого вроде роста, а на сцене казался гигантом.

Я ему сочувствую. Понимаю, какое сложное хозяйство ему досталось, если он говорит, что половина участников труппы — посредственностями, и надо убирать как балласт... Впрочем, что ему от моего сочувствия — он ведь тоже ко мне ни разу ни за советом, ни за чем подобным не обращался.

Нет, театр сейчас в очень трудном положении. То, при Лазареве, заполняли репертуар второстепенными, отсеянными временем произведениями — «Орлеанской девой», «Младой»... То «Сусанина» совершенно уничтожили перестановкой...

Главное, все продается, все покупается — даже успех. Вы, например, знаете, что такое клака? Я вот

только недавно узнал, как это правильно произносить, — думал, «клоака», нет, оказывается, не столь неблагозвучно. Но по сути — столь же мерзко. Скажем, идешь на спектакль, тебе показывают в публике представительного такого господина — думаешь, начальник какой-нибудь или критик, а он, оказывается, известный «клакер», хлопатель за деньги.

— Что-то у нас беседа с вами в основном о неприятных вещах, будто хорошего на свете вовсе не осталось. Ведь, наверное, у вас и друзья есть?
— Есть, конечно, и немало. Телефон не умолкает — приглашают приехать то в Смоленск, то в Иркутск, то в Казань, то в Тулу — публика там мои концерты стоя воспринимает. Недавно вот вернулся из Дании...

Но особенно дорого, что имеется целый круг композиторов, с которыми я поддерживаю добрые творческие и человеческие отношения. Это Леденев, Рубин, Николаев. В Петербурге есть такой молодой автор — Захаров. Гаврилин мне говорит: найдите только стихи, которые вам понравятся, я напишу музыку...

А сегодня уезжаю, буду у себя на родине, в провинциальном вятском городишке Советске петь. Ох, трудная там жизнь. И денег у людей нет, и покупать нечего — магазины пусты, как при Брежневле. По Москве нельзя судить обо всей матушке-России.

— Модное увлечение религией вас не коснулось?
— Тут дело не в моде. С детства я, как это естественно для русского человека, крещен в православии. И хоть не отношу себя впрямую к церковным людям, но в душе всегда ощущал свою причастность к вере отцов. Иначе и невозможно. Потому что все наше искусство зиждется на христианстве, его идеях, образах.

— Чем вообще увлекаетесь, кроме основного дела? Как проводите досуг?
— Очень люблю сад, огород на даче. В Москве теперь бываю только наездом — аллергия, начинаю кашлять в городском воздухе.
— Что читаете?
— На полке постоянно Пушкин. Перечитываю и прозу, и стихотворения, получаю огромное наслаждение. Очень люблю библейские сказания читать, Евангелие... В юности увлекался Толстым, Шекспиром. Почему-то не слишком сильно — Достоевский... Но вообще-то чтец я — не из самых заядлых. Вот жена у меня — это да! У нас с ней уговор: что хорошее попадется — чтобы мне подкидывала.

— Вы упомянули супругу, Наталью Николаевну. А вам никогда не приходило в голову дать семейный концерт — вот как Ойстрахи дают? Она ведь у вас превосходный пианист, органист, профессор Консерватории. Сын Саша — уже известный дирижер, руководитель оркестра ТВ-6 «Русская филармония»...
— У меня еще и младший сын есть, Борис — художник, закончил Суриковский институт.

— Что ж вы не придумываете совместных артистических акций?
— Ну, с женой-то мы, конечно, регулярно выступаем. А что касается младшего поколения... Знаете, в этом был бы какой-то элемент ответственности, популизма, работы на публику. У меня ребята сами по себе, я к ним, конечно, внимателен, но стараюсь не вмешиваться в творческий процесс. Да они и не очень просят, хотя до всего сами дойти. Что ж, пусть барахтаются, пусть доходят. В конце концов ведь и я тоже так начинал...

.. Вот такой разговор у нас получился с Александром Филипповичем Ведерниковым. Острый, порой откровенно субъективный по интонации. Ну и что ж с того? Имеет право человек — с его-то талантом да художественным опытом — на собственное мнение, мнение не показное, ради красного словца, а высказанное искренне, явно без расчета на эпатаж, — уж Ведерников-то точно не из «партии успеха любой ценой». Поэтому резонно рассчитывать на отклики — возможно, и от тех, кто тут «задет». Что же, будем ждать...

Сергей БИРЮКОВ.

Ведерников Александр Филиппович 10.01.97